

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

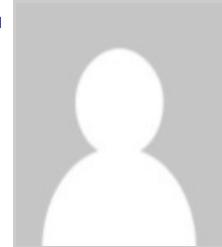
Морхат П.М. Сравнительно-правовое исследование практики рассмотрения судебных споров, связанных с применением искусственного интеллекта в англосаксонской системе права и России // Юридические исследования. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.8.71576 EDN: RKJAYI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71576

**Сравнительно-правовое исследование практики
рассмотрения судебных споров, связанных с
применением искусственного интеллекта в
англосаксонской системе права и России****Морхат Петр Мечиславович**

доктор юридических наук

Судья; Арбитражный суд Московского округа

107053, Россия, г. Москва, ул. Проспект Академика Сахарова, 18, каб. 604

 judiciary2024@yandex.ru[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.8.71576

EDN:

RKJAYI

Дата направления статьи в редакцию:

25-08-2024

Дата публикации:

01-09-2024

Аннотация: В представленной статье исследуется опыт регламентации технологии искусственного интеллекта через призму судебной практики России и США. Акцент делается как на действующей нормативно правовой базе, так и на детальном изучении судебных дел; с учетом потенциального расширительного толкования действующих подходов к регламентации ИИ в отсутствии комплексных нормативно-правовых актов, охватывающих обширные сегменты общественных отношений. Цель данного исследования – определение дифференцированных подходов, присущих англосаксонской и отечественной судебной системе при рассмотрении споров, где выступают последствия применения ИИ. Задачи исследования охватывают обобщение

судебной практики, определение доктринальных подходов к последующей регламентации ИИ и выработка инструментов для перспективного комплексного регулирования ИИ, с учетом необходимости соблюдения баланса интересов, как пользователей, так и разработчиков ИИ. Методология данного исследования включает в себя системный, структурно-функциональный, герменевтический и сравнительно-правовой методы. Сформулированы выводы о необходимости разработки комплексного регулирования технологии ИИ, учитывая действующую специфику рассмотрения судебных споров в России и ангlosаксонской системе права, отмечены общие и отличные подходы в рассмотрении споров, предложены дополнительные компенсирующие меры по эффективной регламентации применения технологии искусственного интеллекта. Отмечена необходимость выделения отдельной категории судебных дел, связанных с технологией ИИ для упрощения анализа и выработки единой практики по данному блоку споров. При анализе отечественной и зарубежной практики рассмотрения споров, связанных с использованием искусственного интеллекта, отмечена принципиальная необходимость сохранения принципа баланса интересов общества и разработчиков, с учетом тех рисков, которые были выявлены при анализе англо-саксонской судебной практики и нормативно правового регулирования в указанных странах.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, судебная практика, сравнительно-правовое исследование, авторское право, банковское право, генеративный ИИ, публичное право, информационные технологии, дип фейк, чат ГПТ

Активное применение технологии искусственного интеллекта (ИИ) является неотъемлемой частью повседневной жизни, начиная от анализа текста и поисковых запросов и заканчивая сложными моделями прогнозирования поведения человека. Следуя этой логике необходимо отметить, что вопросы рассмотрения споров, связанных с применением указанной технологии в судебном порядке, приобретают новое значение для любого государства. Следует отметить, что нами ранее был рассмотрен феномен позиционирования ИИ в судебном процессе в России и зарубежных странах как активный инструмент помощи судье в рамках судебного разбирательства^[1].

Следует отметить, что отечественные ученые активно исследуют феномен позиционирования искусственного интеллекта в рамках судебных разбирательств, как через призму российского законодательства, так и через сравнительно-правовое исследование зарубежного опыта.

Е.В. Купчина в свое анализе судебной практики США при рассмотрении гражданских споров в США отмечает активную практику использования технологий ИИ как юридических навигаторов и предиктивных сервисов, которые могут помочь пользователям в рамках участия в судебном процессе^[44]. Автором отмечается, что данный блок технологий набирает обороты при условии оцифровки судебных документов. Нами поддерживается тезис о том, что точность предлагаемых ИИ решений будет повышаться, однако потребуется исследование текущей практики в т.ч. судов США.

Анализируя доктринальный аспект участия ИИ в гражданских правоотношениях необходимо отметить работу Е.В. Вавилина, в которой представлен анализ

отечественного регулирования правоотношений, связанных с применением ИИ^[45]. Автором определено, что ответственность за действия (бездействие) должна возлагаться на пользователя (в лице государства, гражданина и т.д. в зависимости от области использования). Однако не исключена необходимость признавать самостоятельную ответственность ИИ. Для практического осмысления данного подхода нами будет исследована практика рассмотрения судебных споров, связанных с ИИ, через призму этих конструкций.

Н. Е. Вашеняк отмечает, что отсутствие полноценного регулирования вопросов интеллектуальной собственности на произведения, созданные ИИ, и отечественная судебная практика порождает неоднозначную ситуацию для правообладателей нейросетей, которые страхиуются от рисков введения в заблуждение пользователей ИИ и потенциального отчуждения большего объема прав, чем изначально предполагается^[46]. Данный подход нами поддерживается и требует дополнительного исследования в рамках данной статьи.

В рамках представленной статьи нами предлагается рассмотреть и сформулировать обобщенную судебную практику, где объектом судебного разбирательства выступает ИИ, его действия и рекомендации, в разрезе различных правовых систем и выработки потенциальных предложений по минимизации рисков при вынесении решений в отношении указанной технологии и ее разработчиков, пользователей и иных лиц.

Для целей данной работы предлагается использование следующей методологии исследования - системный, структурно-функциональный, герменевтический и сравнительно правовой методы. Системный и структурно функциональный методы помогают определить роль и место государств и права в контексте применения ИИ в общественных правоотношениях. Особое место занимает герменевтический метод, поскольку позволяет всесторонне рассмотреть судебные споры, возникающие с применением ИИ в различных сегментах правоотношений, в т.ч. производить толкование позиций судов. Для данной статьи мы используем сравнительно-правовой метод рассмотрения судебных споров и регулирования ИИ в США, Великобритании и России.

В первую очередь хотелось бы отметить инициативы ЮНЕСКО в области повышения квалификации судебского сообщества в отношении технологии ИИ^[2]. Среди ключевых блоков, которые рассматриваются профессиональным судебным сообществом на уровне ЮНЕСКО, являются определение и выработка единообразных подходов при рассмотрении судебных споров, связанных с интеллектуальной собственностью при использовании генеративного ИИ, а также в области оценки доказательств, полученных с помощью ИИ, и осуществления правосудия в электронной форме.

В качестве основополагающих нормативно-правовых актов в США необходимо отметить Стратегический план развития исследований и разработок систем ИИ (определяющих основные направления НИОКР в указанной области)^[31], декларативный «Проект Билля о правах ИИ» (содержит декларативные, но не обязательные принципы этической разработки ИИ)^[4], а также Закон об основополагающем понимании применимости и реалистичной эволюции искусственного интеллекта^[5] (который дает базовое определение ИИ, полномочия, цели и задачи органов власти в части применения ИИ).

Достаточно интересным и перспективным для анализа перспектив развития регулирования ИИ в общественных отношениях выступает сводный портал судебной практики, посвященной спорам, связанным с ИИ в США^[6].

В рамках первой категории дел предлагается рассмотреть споры, связанные с интеллектуальными правами и применением ИИ в указанном сегменте правоотношений в США.

Несомненный интерес представляет собой дело *Кадрей против Meta*^[7]. В рамках указанного гражданского дела был подан коллективный иск группы авторов (Ричард Кадрей, Сара Сильверман и Кристофер Голден и т.д.) в отношении компании Meta, которая обучала языковую модель ИИ (LLaMA) на произведениях истцов (книги). Истцы в своем исковом заявлении определяют, что ИИ компании Meta извлекает определенный массив данных из их произведений (книг) в процессе обучения, нарушая при этом положения Закона об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA)^[8]; соответственно, действия разработчика ИИ интерпретируются как недобросовестная конкуренция, несправедливое обогащение и халатность. Суд отмечает, что модель компании Мета обучалась на данных книгах, однако конечный продукт ИИ не является переработкой или адаптацией книг истцов.

Суд отмечает, что правовая позиция истцов может быть сформулирована в двух конструкциях:

1. Результаты работы LLaMA являются фактическими копиями произведений истцов, которые защищены авторским правом.
2. Результаты работы LLaMA в значительной степени схожи с книгами истцов, и результаты работы ИИ являются производными произведениями.

Таким образом, суд постановил, что истцы не сделали ни того, ни другого, и отклонил иск.

Аналогичная практика представлена в *Андерсен против Стабилити АИ*^[9]. В рамках данного коллективного иска аналогично оспаривается деятельность генеративного ИИ, который использовал произведения художников. Истцам не удалось доказать сходство представленных ИИ работ и их охраняемых законом произведений. В этой связи суд поддержал ответчиков, отклонив исковые заявления истцов.

В целом тренд на необходимость дальнейшей детализации подходов к авторскому праву и защиты авторского права в судебном порядке формируется в делах против компаний, специализирующихся в разработке генеративных ИИ (*Гильдия авторов против OpenAI*^[10], *Chabon против OpenAI*^[11]). Однако общий вектор может быть сформулирован в тех двух конструкциях, которые представлены выше.

В этой категории споров нами также отмечается тенденция по необходимости детализации порядка обработки данных ИИ, а именно, как и какие данные ИИ получил для обучения. При этом мы учитываем большой объем оцифрованных данных, находящихся в открытом доступе, в т.ч. те данные, которые защищены авторским правом. Кроме того, конструкция обучения ИИ для создания больших языковых моделей или других баз данных для обучения ИИ, основанная на добросовестном использовании данных, в т.ч. защищенных авторским правом, позволяет разработчикам минимизировать свои риски в рамках судебных тяжб, сводя предмет спора к конкретному сравнению произведения, созданного ИИ и авторского произведения^[12].

Следует отметить, что в контексте применения ИИ в сегменте правоотношений, связанных с интеллектуальной собственностью, ученые в США перечисляют достаточно

большой спектр проблем и предложений по их устранению.

Д. Лим в своем исследовании выделяет общие тренды, связанные с интеграцией ИИ в сферу публичных и частных правоотношений, а также конкретизирует конкретные проблемы, связанные с применением ИИ и авторским правом^[13]. Так, в рамках третьего раздела данной статьи отмечается на уровне практических примеров, что у разработчиков ИИ, в силу наличия закона о защите коммерческой тайне, остаются существенные возможности по скрытию вносимых изменений в ИИ перед пользователями, даже если пользователем технологии выступает орган власти (в лице правоохранительных органов). Таким образом достаточно сложно установить предвзятость указанных алгоритмов ИИ (как это было в примере с ИИ Компас^[14]). Кроме того, отмечается необходимость совершенствования действующего законодательства с целью предоставления органам власти большего доступа к оценке алгоритмов ИИ и возможности выявления злоупотребления правом (в т.ч. авторским правом) со стороны разработчиков, как мы это видим, в т.ч. исходя из выше представленных судебных дел.

В своем исследовании, посвященном авторскому праву в области искусства и роли ИИ, З. Бозард провел детальное изучение действующей практики применения ИИ компаниями разработчиками и их злоупотребление Доктриной добросовестного использования^[15]. Отмечается, что в основе экономической логики применения ИИ в т.ч. в сфере искусства, литературы и т.д., действующая судебная практика стоит на стороне компаний-разработчиков ИИ, которые генерируют постоянную прибыль. У авторов художественных произведений крайне низкие шансы в оспаривании правомерности действий разработчиков ИИ в силу указанного тезиса. Это требует пересмотра ряда положений законодательства об авторском праве, с учетом феномена технологии ИИ.

На основании вышеизложенного становится очевидным, что присутствует определенный правовой дисбаланс интересов сторон в силу несовершенства законодательства о коммерческой тайне и авторского права в США. Данный дисбаланс дает компаниям-разработчикам достаточно обширный перечень инструментов для судебной защиты своих интересов, что отмечается как в теоретических исследованиях, так и в судебной практике.

В отдельную категорию судебных дел необходимо выделить практику, связанную с применением генеративного ИИ в рамках подготовки исковых заявлений.

Первым значимым примером применительно к Великобритании является дело *Фелисити Харбер против Комиссаров HMRC*^[16]. В этом кейсе гражданке Ф. Харбер вменялась административная ответственность за неуплату налогов, связанных со сделкой после продажи недвижимости, в формате штрафа размером 3265,11 фунтов стерлингов. Она решила обжаловать данный штраф в судебном порядке, ссылаясь на свое психическое состояние и незнание положений закона, в рамках которого ей вменялась указанная ответственность.

Примечательно, что в рамках первой инстанции при предоставлении искового заявления Ф. Харбер предоставила в качестве обоснования своей правовой позиции ссылку на предполагаемые девять решений Трибунала для обоснования своей правовой позиции. Однако далее в данном кейсе было выявлено, что данные девять решений были сформированы генеративным ИИ, что было впоследствии подтверждено гражданкой Ф. Харбер. Отдельно суд отмечает, что истец не знал, что ИИ сгенерировал фиктивные решения Трибуналов, и данная практика формирует дополнительные затраты у

участников судебного процесса на верификацию предоставляемых в суд доказательств и правовых позиций сторон.

Итогом данного судебного разбирательства стало то, что суд не принял во внимание позицию истца и оставил принятое решение налоговых комиссаров в силе.

Если в первом случае рассматривалась практика применения генеративного ИИ обычным гражданином, не обладающим специализированными знаниями в области юриспруденции, то в деле *Роберто Мата против Avianca Inc.*^[17] проблема применения генеративного ИИ была выявлена судом в рамках юридической практики профессиональных адвокатов. В рамках данного дела адвокат Стивен А. Шварц, представляющий Р. Мата, использовал генеративный ИИ (ChatGPT) для подготовки судебного заявления, ссылающегося на судебные решения, прямо и опосредовано связанные с делом своего клиента. При анализе правовой позиции истца суд дополнительно потребовал у адвокатов копии судебных решений, на которые ссылается сторона в своем заявлении. Судом было установлено, что ссылки в заявлении являются фиктивными и сгенерированными ИИ, они не были проверены стороной истца. Далее суд оштрафовал адвокатов истца за предоставление заведомо ложных и вводящих в заблуждение документов в суде.

Следует отметить, что процессуальный порядок оценки доказательств в США прописан в Федеральных правилах доказывания (FRE)^[18], в частности положения статей 401, 402, 403 и 901, возлагают на судей роль контролера по определению допустимости доказательств. В контексте оценки рекомендаций это подразумевает раскрытие достаточной информации о данных, на которых обучался ИИ при разработке и структуре и составных элементах системы ИИ, обеспечения конфиденциальности данных и прозрачности предлагаемых решений.

Необходимо отметить, что в совместном исследовании американских учёных была дополнительно проведена верификация допустимости применения генеративного ИИ на примере более 200 000 кейсов с использованием технологии OpenAI's ChatGPT 3.5, Google's PaLM 2, and Meta's Llama 2^[19]. В рамках данного кейса выявлено, что генеративный ИИ чаще ошибался, когда ИИ спрашивали о прецедентном праве в федеральных окружных судах, и был более точным в делах Верховного суда США. Кроме того, данные модели страдают от «контрфактуальной предвзятости», при которой ответ ИИ прямо коррелируют с заданным вопросом со стороны пользователя (в т.ч. включающее ложные или не точные запросы).

Аналогичную позицию в части недопустимости использования технологий генеративного ИИ в подготовке правовой позиции для судебного разбирательства занимает К. Лион^[20]. В своем исследовании, автор отмечает, что данный инструмент может быть только помощником на текущем технологическом этапе, а основная роль верификации отдается участникам процесса, с соответствующими правовыми последствиями (в т.ч. при умышленном искажении или фальсификации фактов).

По нашему мнению, данная категория дел, связанных с применением ИИ, и в судебном процессе порождает необходимость выработки дополнительных инструментов верификации доказательств, предоставляемых сторонами, а также определяет потребность в выработке дополнительных инструментов к привлечению ответственности за использование ИИ в потенциально противоправной деятельности.

Следующую категорию дел предлагается рассмотреть в контексте антимонопольного

регулирования и использования алгоритмов ИИ для манипуляции ценами и установления картельных сговоров.

Данная ситуация характерна для технологий ИИ, используемых в арендном и гостиничном бизнесе, и судебный процесс пока находится на начальной стадии ввиду длительного характера рассмотрения споров, связанных с антимонопольным законодательством США.

Так в делах *Blair-Smith против Caesars Entertainment, Inc. и Altman et al против Caesars Entertainment, Inc.*[\[21\]](#) отмечается, что Caesar Entertainment, MGM Resorts, Hard Rock, Cendyn Group LLC и другие гостиничные операторы использовали платформу общего алгоритма ценообразования на номера, разработанную компанией Cendyn Group LLC для искусственного завышения цен (относительно средних цен на сопоставимом рынке) на номера. В своем 110-страничном исковом заявлении адвокаты сторон достаточно детально аргументируют, как был осуществлен картельный сговор указанных платформ и представлен экономический анализ и ценовая динамика на номера, представленные на указанных агрегаторах[\[22\]](#). На текущем моменте указанные дела объединены в одно производство; осуществляются соответствующие судебные процедуры по анализу доказательной базы со стороны ответчиков.

Схожая ситуация имеет место в деле *Bason против RealPage, Inc.*[\[23\]](#), где истцы достаточно подробно описывают формирование картельного сговора среди арендодателей многоквартирных жилых помещений. Отмечается что с 2016 года (возможно и раньше) основой ценообразования на указанном рынке была заполняемость помещений, что влияло на возможность конкурентной борьбы среди арендодателей. Вместе с тем арендодатели начали использовать сторонний агрегатор от компании *RealPage*, которая предоставляет программное обеспечение и аналитику данных арендодателям (в т.ч. возможное ценообразование аренды со стороны конкретных). Используемая арендодателями платформа не обязывает их принимать предлагаемые рекомендации от компании *RealPage*, однако подчеркивает необходимость «дисциплины» среди участующих арендодателей и соблюдать предлагаемую схему ценообразования, представленную компанией *RealPage*. Представители компании так же декларируют, что для того, чтобы ее услуги были наиболее эффективными, арендодатели должны принимать рекомендации в восемидесяти процентах случаев. Истцы дополнительно указывают, что компания *RealPage* повлияла на рост цен на аренду жилья и это было отмечено в маркетинговом видеоролике, где президент *RealPage* отмечал невиданный ранее рост цен на аренду жилой недвижимости, достигающий на некоторых рынках 14,5%.

Вышеуказанный судебные процессы находятся на начальном этапе рассмотрения и могут существенно повлиять на принципы ценообразования с использованием технологий ИИ.

С. Маар в своем исследовании, посвященному вопросам антимонопольного регулирования и применения ИИ в условиях рыночной экономики, отмечает необходимость выработки принципиально новых регулятивных подходов в отношении оценки ущерба потребителям от недобросовестных участников рынка, использующих ИИ[\[24\]](#). На основе анализа законодательных актов (Антимонопольный закон Шермана 1890 года, Антимонопольный закон Клейтона 1914 года, Закон о Федеральной торговой комиссии 1914 года) и правоприменительной практики антимонопольных органов власти отмечается, что текущая оценка рынка (позиции хозяйствующих субъектов, их скоординированность действий (в т.ч. в части установления цены) и т.д.) в рамках

действующей практики носит поверхностный характер. Это требует выработки нового закона, учитывающего потенциальный вред для потребителей, и дополнительные инструменты интерактивного контроля за хозяйствующими субъектами, которые используют в своей экономической деятельности ИИ. Кроме того, автором отмечается ограниченность в нормотворческой деятельности Федеральной торговой комиссии, в т.ч. через призму закона о защите прав потребителей, что, в свою очередь, требует формирования судебной прецедентной практики, которая на текущий момент только вырабатывается.

Разделяют вышеуказанную точку зрения в части действующей законодательной базы (в т.ч. через призму положений раздела 1 Закона Шермана) и действующей прецедентной практики^[25] ученые А. Асил и Т. Воллман^[26]. В их исследовании отмечается, что в текущей редакции указанного ранее закона антимонопольные органы и суд неспособны зафиксировать нарушение компаниями, которые используют ИИ в целях картельного сговора. Это, в свою очередь, позволяет компаниям получать прибыль от антиконкурентного поведения без какой-либо ответственности, тем самым создавая значительную угрозу благосостоянию потребителей.

По нашему мнению, данная область формируемых судебных разбирательств потребует выработки дополнительных инструментов доказательств злонамеренного использования ИИ в целях извлечения прибыли со стороны хозяйствующих субъектов.

В России основополагающими документами, регламентирующими порядок применения ИИ, можно отметить Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (данный закон содержит стратегическое целеполагание каким образом и как рекомендуется регламентировать ИИ в рамках последующих нормотворческих инициатив), а также Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 № 123-ФЗ (содержит порядок проведения экспериментального и гибкого регулирования технологии ИИ). Данные инициативы на текущий момент являются исчерпывающими, ввиду чего последующая судебная практика опирается на иные нормативно-правовые источники.

Отдельно также надо отметить, что в России функционирует национальный портал ИИ^[27], который содержит сводную информацию по регулированию ИИ. Однако необходимо признать, что сводный портал, содержащий перечень технологий ИИ, правоприменительную и судебную практику, связанную с данной технологией, на данный момент в России отсутствует^[28].

Рассматривая отечественную судебную практику касаемо авторского права и вопросов применения ИИ в данном сегменте правоотношений, предлагается остановится на следующих судебных решениях.

Первое дело, рассмотренное в упрощенном порядке и дополнительно рассмотренное судом по интеллектуальным правам в кассационном порядке, касается спора между ООО «Бизнес-аналитика» (ответчик) и ООО «Рефейс технолоджис» (истец)^[29]. Истец ходатайствует о незаконном использовании ответчиком видеоролика, права на которые он приобрел у ООО «Адженда медиа групп». Ответчик в своей правовой позиции использовал аргумент, что искомый видеоряд был преобразован технологией Deep Fake

и не может выступать объектом авторского права. Однако суд при анализе данного спора, в соответствии с положениями ст. 1229, 1252, 1257 и 1259 ГК РФ, а также на основании представленных со стороны истца сведений (оригинальный видео ролик, лицензионное соглашение между истцом и ООО «Адженда медиа групп», а также видео ролика ответчика) установил, что обработанное технологией deep-fake видео не свидетельствует о том, что видеоролик доступен для свободного использования. Кроме того, данная обработка не подразумевает внесение личного творческого вклада со стороны ответчика. Как следствие подобный творческий вклад не признается авторами видеоряда. Таким образом, суд удовлетворил требования истца о взыскании с ответчика компенсации. Далее в порядке кассационной жалобы требования ответчика были оставлены без удовлетворения.

Аналогичная практика представлена в споре между индивидуальным предпринимателем И.С. Котелевец (истец) и ООО «Стоматологический центр «Жемчужина» (ответчик)^[30]. Суть спора аналогична предыдущему делу, а именно противоправному использованию ответчиком изображений истца, права на которые ему принадлежат. Ответчик в своей позиции ссыпался на то, что, во-первых, интернет-ресурс, на котором было размещено изображение истца, был приобретен ответчиком в рамках договорных обязательств с третьим лицом (ИП Глотовым В.М.), и во-вторых, оспариваемое изображение было сгенерировано через нейросеть (искусственный интеллект). В связи с этим ответчик заявлял, что сгенерированное изображение не может быть признано объектом авторского права. Учитывая положения ГК РФ, а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" в рамках первой инстанции и апелляции, суд встал на сторону истца, установив его авторство в отношении оригинала изображения, а также отметил, что пока не доказано иное, автором произведения считается лицо, указанное в качестве такового на оригинале или экземпляре произведения, либо иным образом в соответствии.

Отечественные ученые отмечают необходимость выработки принципиально новых инструментов регламентации ИИ в контексте авторского права. Е. Афанасьева на основе проведенного сравнительного исследования отмечает, что при текущем совершенствовании систем ИИ и их возможности самостоятельно создавать продукт, сопоставимый с охраноспособными объектами интеллектуальной деятельности, необходимость сохранения сбалансированного регулирования ИИ, учитывающего идею сохранения творческого вклада со стороны человека^[31]. Данный тезис также поддерживается в исследованиях С. Ю. Кашкина и Ж. Т. Исакова^[32], А.Е. Пономарченко^[33]. Отдельно также можно отметить позицию П. Г. Шеленговского, Д. А. Грачевой, которые предлагают, по аналогии с США, создать базы данных для обучения, которые не будут охраняться законом об авторских правах и будут специально созданы для обучения и использования нейросетей^[34].

Рассматривая данный блок, в контексте сравнения отечественной судебной практики и опыта США, а также с учетом предложений отечественной научной школы, мы отмечаем существенные отличия в установлении авторства и отсутствия законодательной лазейки, зафиксированной в прецедентную практику США для разработчиков ИИ, по сравнению с Россией. Необходимость выработки отдельного законодательного акта, регламентирующего порядок авторства в случаях использования технологий ИИ, потребует скоординированного подхода как от разработчиков систем ИИ, так и от авторов творческих произведений. Однако, как мы видим, в случае с созданием баз

данных для обучения ИИ, где нивелируются авторские права людей, мы можем столкнуться со сложностями, которые сейчас испытывают авторы в США, что в последующем кратко повысит нагрузку на судебную ветвь власти и общественный баланс интересов.

Анализируя отечественную судебную практику применения ИИ для генерирования исковых заявлений, необходимо отметить, что данной практики на момент подготовки статьи нет. В этой связи предлагается рассмотреть смежный блок публичных правоотношений, связанных с фиксацией правонарушений и умышленного искажения изображений в рамках публичных правоотношений.

В рамках оспаривания выписанного административного штрафа Главному управлению содержания территории Московской области (ответчик) за нарушение порядка и условий содержания территории ООО "ВЕРХНЯЯ ВОЛГА"(истец) оспаривался порядок фиксации правонарушения, выразившегося в нарушении порядка уборки снега и наледей территорий с использованием технологии "Автоматизированный комплекс с использованием интеллектуальной нейронной сети видеофиксации нарушений с предустановленным программным обеспечением"[\[35\]](#). В рамках первой инстанции суд поддержал доводы истца, что использование данной системы требовало разработки понятийного аппарата и терминов, связанных с объектами городской инфраструктуры и отклонений от них. Однако в последующем апелляционном и кассационном обжаловании было установлено, что административное правонарушение зафиксировано специальными техническими средствами, которые установлены надлежащим образом и в порядке, предписанным законодательством Московской области, в т.ч. предусмотренные положениями ч. 2 ст. 16.4 КоАП МО. Кроме того отмечено, что используемая судом первой инстанции обязанность ответчика по предоставлению поверочных данных к метрологическим средствам измерения (постановление Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 20) не применима в данном контексте и используется только в отношении специальных технических средств.

Особое внимание необходимо обратить на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № 17 "Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок информационного обеспечения выборов и референдумов". В частности, пункт 20 содержит положения, разъясняющие, что подлежат привлечению к административной ответственности лица, изготавлившие агитационные материалы всех видов «с использованием вводящих в заблуждение и выдаваемых за достоверные недостоверных изображений, аудио- и аудиовизуальной информации, в том числе созданных с помощью компьютерных технологий» в соответствии с частью 5.12 КоАП РФ.

Следует отметить, что отечественные ученые в первую очередь отмечают перспективу формирования предиктивных методов прогнозирования в отношении противоправной, преступной деятельности. Так, В.Ю. Дроздов отмечает, что необходимо смещение фокуса правоохранительных органов с применения ИИ на этапе привлечения к ответственности потенциального правонарушителя, к прогнозированию и предупреждению преступности[\[36\]](#). Данный подход уточняется и детализируется для целей общественных отношений и их регламентации в сфере интеллектуальных транспортных систем[\[37\]](#).

При этом, если говорить о проблематике использования ИИ в целях выявления мошенничества в рамках проведения выборов (в т.ч. если злоумышленники используют технологии deep fake), окончательное заключение о злонамеренном использовании ИИ

остается в поле установления ответственного должностного лица^[38].

По нашему мнению, текущая судебная практика и подходы в контексте ее расширительного толкования позволяют отметить, что использование генеративного ИИ в контексте изготовления документов, применяемых в публичных правоотношениях, в случае их недостоверности, влечет соответствующие административные правовые последствия для пользователя. Кроме того, рекомендации и фиксации фактов правонарушения со стороны органов власти путем использования ИИ, при надлежащем и добросовестном его использовании, вряд ли могут быть в последующем обжалованы в судебном порядке. Однако необходимо формирование проактивных методов профилактики правонарушений в целях минимизации нагрузки на судебную систему.

В контексте применения ИИ в коммерческой деятельности необходимо отметить формирующуюся практику в отношении алгоритмической обработки просроченной задолженности банками.

Такую ситуацию можно наблюдать в трех различных судебных делах, истцом по которому выступает ПАО «Сбербанк», а ответчиком выступают подведомственные учреждения ФСИН России^{[39][40][41]}. Суть данных дел сводится к тому, что истец обжалует выписанный ему административный штраф со стороны ФСИН России, по нарушению положений пп. «в» п. 3 ч. 3 ст. 7 Федерального закона "О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях" от 03.07.2016 № 230-ФЗ, предусматривающих ограниченное количество телефонных звонков в адрес должника (не более 8 раз в месяц). В рамках рассмотренной судом доказательной базы было установлено кратное превышение такого порога, даже при условии автоматизированного интеллектуального агента, который осуществлял переговоры с должником. Доводы истца, что взаимодействие банка с должником с использованием данного ИИ агента некорректно относить к категории телефонных переговоров, судом не были приняты, поскольку для должника не имеет значения общается он с машиной или живым человеком.

Следует отметить, что в своем исследовании Т. Г. Старостина и Е. В. Романенко подчеркивают, что при всех недостатках технологии ИИ, включая экономические затраты, сложности регулирования технологии, эмпатийный аспект взаимодействия ИИ с человеком, ИИ является перспективной технологией для данного сегмента правоотношений, которая в последствии требует выработки соответствующей кадровой политики, внутренних инструментов комплаенса, противодействующих мошенническим технологиям на базе ИИ^[42]. Схожая позиция представлена в исследовании А.А. Дулева, с акцентом на необходимости издания дополнительных регламентирующих документов со стороны Центрального банка^[43].

По нашему мнению, применение ИИ в наиболее массовых сегментах правоотношений в частном секторе требует унифицированной локальной нормативно правовой базы, которую рекомендуется утверждать, как отраслевой стандарт, с фиксацией обязательного контроля за технологией конкретным должностным лицом. Кроме того, логичным ходом является фиксация общих подходов в едином законе, посвящённом применению ИИ, о котором говорится в Указе Президента России №490 (упомянутом ранее). Данные действия позволят в перспективе снизить судебную нагрузку в данном сегменте споров.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы и предложения:

1. Предлагается введение и закрепление дополнительной детализации судебной практики в отношении ИИ, используемого в судебном процессе и статистику дел, где рассматриваются действия ИИ. Данная репрезентативная практика позволит упростить судебный процесс в указанном сегменте и соблюдать единообразие судебной практики.
2. Предлагается в обязательном порядке при использовании генеративных моделей ИИ обязать стороны верифицировать представленные им данные на предмет их обоснованности, достоверности и законности используемых сведений. В случае выявления использования генеративного ИИ в целях умышленного введения суда в заблуждение в приоритетном порядке представляется необходимым, предоставлять указанные сведения в правоохранительные органы для последующего привлечения причастных лиц к соответствующей ответственности.
3. Требуется разработка комплексного регулирования технологии ИИ для целей упрощения судебного разбирательства и соблюдения баланса интересов сторон при последующем рассмотрении споров.
4. При последующей разработке законопроектов в особенности в контексте авторского права нельзя допустить нивелирование авторского вклада при последующей обработке и переработки данных сведений технологией ИИ, как это представлено в США.

Библиография

1. Морхат П.М. Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе // Юридические исследования. 2024. № 7. С.13-28.
DOI: 10.25136/2409-7136.2024.7.71263 EDN: ТВОCPB URL: https://e-notabene.ru/lr/article_71263.html
2. AI and the Rule of Law: Capacity Building for Judicial Systems. URL:
<https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/rule-law/mooc-judges> (дата обращения: 20.08.2024).
3. THE NATIONAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE RESEARCH AND DEVELOPMENT STRATEGIC PLAN: 2019 UPDATE. URL: <https://www.nitrd.gov/pubs/National-AI-RD-Strategy-2019.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).
4. Blueprint for an AI Bill of Rights. URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/#safe> (дата обращения: 20.08.2024).
5. H.R. 4625 (IH) - Fundamentally Understanding The Usability and Realistic Evolution of Artificial Intelligence Act of 2017. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/BILLS-115hr4625ih/related> (дата обращения: 20.08.2024).
6. AI Litigation Database by the Institute for Trustworthy AI in Law and Society (TRAILS). URL: <https://blogs.gwu.edu/law-eti/ai-litigation-database/> (дата обращения: 5.08.2024).
7. Kadrey v. Meta Platforms, Inc. 23-cv-03417-VC 11-20-2023. URL:
<https://casetext.com/case/kadrey-v-meta-platforms-inc> (дата обращения: 20.08.2024).
8. The Digital Millennium Copyright Act. URL: <https://www.copyright.gov/dmca/> (дата обращения: 20.08.2024).
9. Andersen v. Stability AI Ltd., 23-cv-00201-WHO (N.D. Cal. Oct. 30, 2023). URL:
<https://casetext.com/case/andersen-v-stability-ai-ltd> (дата обращения: 20.08.2024).
10. Authors Guild v. OpenAI Inc. (1:23-cv-08292) District Court, S.D. New York. URL:
<https://www.courtlistener.com/docket/67810584/authors-guild-v-openai-inc/> (дата обращения: 20.08.2024).
11. Chabon v. OpenAI, Inc. (3:23-cv-04625) District Court, N.D. California. URL:

- <https://www.courtlistener.com/docket/67778017/chabon-v-openai-inc/> (дата обращения: 20.08.2024).
12. Plot Twist: Understanding the Authors Guild v. OpenAI Inc Complaint. URL: <https://wjita.com/2024/03/05/plot-twist-understanding-the-authors-guild-v-openai-inc-complaint/> (дата обращения: 20.08.2024).
13. Lim D. AI, Equity, and the IP Gap //SMU L. Rev. – 2022. – Т. 75. – С. 815.
14. Vaccaro M. A. Algorithms in human decision-making: A case study with the COMPAS risk assessment software : дис. – 2019.
15. Bozard Z. What does it mean to create art? Intellectual Property rights for Artificial Intelligence generated artworks //SCJ Int'l L. & Bus. – 2023. – Т. 20. – С. 83.
16. Harber v Commissioners for His Majesty's Revenue and Customs (INCOME TAX - penalties for failure to notify liability to CGT - appellant relied on case law which could not be found on any legal website - whether cases generated by artificial intelligence such as ChatGPT). URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKFTT/TC/2023/TC09010.html> (дата обращения: 20.08.2024).
17. Mata v. Avianca, Inc. 22-cv-1461 (PKC). URL: <https://casetext.com/case/mata-v-avianca-inc-2> (дата обращения: 20.08.2024).
18. Federal Rules of Evidence. URL: <https://www.law.cornell.edu/rules/fre> (дата обращения: 20.08.2024).
19. Matthew Dahl, Varun Magesh, Mirac Suzgun & Daniel E. Ho, Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models 1, ARXIV (2024), <https://arxiv.org/pdf/2401.01301.pdf>
20. Lyon C. F. Fake cases, real consequences: misuse of ChatGPT leads to sanctions //NY Litigator. – 2023. – Т. 28. – №. 2. – С. 8-12.
21. BLAIR-SMITH v. CAESARS ENTERTAINMENT, INC., et al. URL: <https://dockets.justia.com/docket/new-jersey/njdce/1:2023cv06506/518494> (дата обращения: 20.08.2024).
22. HEATHER ALTMAN and ELIZA WIATROSKI vs. CAESARS ENTERTAINMENT, INC. etc. Case 2:23-cv-02536. URL: <https://www.classaction.org/media/altman-et-al-v-caesars-entertainment-inc-et-al.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).
23. Bason et al v. RealPage, Inc. et al. URL: <https://dockets.justia.com/docket/california/casdce/3:2022cv01611/744996> (дата обращения: 20.08.2024).
24. Marar S. Artificial Intelligence and Antitrust Law: A Primer //Available at SSRN 4745321. – 2024.
25. American Tobacco Co. v. United States, 328 U.S. 781 (1946). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/328/781/> (дата обращения: 20.08.2024).
26. Asil A., Wollmann T. Can Machines Commit Crimes Under US Antitrust Laws? //Available at SSRN 4527411. – 2023.
27. Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации.URL: <https://ai.gov.ru/> (дата обращения: 22.08.2024).
28. Атабеков А.Р. Модельные подходы к интеграции искусственного интеллекта в сферу публичных правоотношений в России на базе сравнительного исследования опыта зарубежных стран // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 686-699.
29. Карточка судебного дела С01-1330/202409АП-642/2024А40-200471/2023.URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4d7f0305-69af-44fe-8841-a59e84aa7deb> (дата обращения: 22.08.2024).
30. Карточка судебного дела 13АП-37912/2023А42-3966/2023.URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/86266278-1cb2-4722-977c-715455645cf3> (дата обращения: 22.08.2024).

31. Афанасьева Е. Авторское право в эпоху искусственного интеллекта //Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2020. – №. 6. – С. 59-66.
32. Искакова Ж. Т., Кашкин С. Ю. Современное авторское право и проблемы развития искусственного интеллекта //Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2020. – №. 2 (66). – С. 43-52.
33. ПОНОМАРЧЕНКО А. Е. АВТОРСКИЕ ПРАВА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КОМУ ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТ?. – Издательство" Познание" КОНФЕРЕНЦИЯ: ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО Казань, 22 сентября 2023 года Организаторы: Казанский инновационный университет имени ВГ Тимирясова.
34. Шеленговский П. Г., Грачева Д. А. Искусственный интеллект и авторское право в современных условиях //ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. – 2023. – №. 3. – С. 79-85.
35. Карточка судебного дела 305-ЭС24-3432Ф05-33861/202310АП-18633/2023A41-17944/2023.URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/10d3ebf5-6663-4876-9902-fd664eaed894> (дата обращения: 22.08.2024).
36. Дроздов В. Ю. Использование искусственного интеллекта для предупреждения преступности //Закон и право. – 2021. – №. 9. – С. 114-117.
37. Сафиуллин Р. Н., Сафиуллин Р. Р., Пыркин О. П. Актуальные вопросы правового регулирования при внедрении цифровых технологий в интеллектуальные транспортные системы //Цифровые технологии и право. – 2022. – С. 28-35.
38. Килячков А. А. и др. Использование искусственного интеллекта для выявления признаков мошеннических действий в ходе выборов //Власть. – 2021. – №. 5. – С. 128-132.
39. Карточка судебного дела 07АП-2790/2024А45-38245/2023.URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/e279cd78-7c69-4d2a-8f88-3ce6385e3c63> (дата обращения: 22.08.2024).
40. Карточка судебного дела 16АП-1672/2024А61-4957/2023.URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9c4456e7-5d30-4f34-9717-0c21d506e595> (дата обращения: 22.08.2024).
41. Карточка судебного дела 06АП-3177/2023А73-4100/2023.URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ca54ac3e-a42d-4403-bdf9-a7db5f793874> (дата обращения: 22.08.2024).
42. Старостина Т. Г., Романенко Е. В. Искусственный интеллект в банковской сфере //Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2022. – №. 2 (98). – С. 35-37.
43. Дулёв А. А. ИННОВАЦИОННЫЕ БАНКОВСКИЕ ПРОДУКТЫ И ИХ РАЗВИТИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ //Хроноэкономика. – 2020. – №. 5 (26). – С. 55-60.
44. Kupchina E. V. The Application of Artificial Intelligence Technology in the US Civil Court System //Legal Concept= Pravovaya paradigma. – 2021. – Т. 20. – №. 4.
45. Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права //Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – №. 42. – С. 135-146.
46. Вашеняк, Н. Е. Права на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта. Авторское право и искусственный интеллект / Н. Е. Вашеняк. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 49 (496). — С. 253-255.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, практика рассмотрения судебных споров, связанных с применением искусственного интеллекта в англосаксонской системе права и России. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования раскрыта: "Для целей данной работы предлагается использование следующей методологии исследования - системный, структурно-функциональный, герменевтический и сравнительно правовой методы. Системный и структурно функциональный методы помогают определить роль и место государств и права в контексте применения ИИ в общественных правоотношениях. Особое место занимает герменевтический метод, поскольку позволяет всесторонне рассмотреть судебные споры возникающие с применением ИИ в различных сегментах правоотношений, в т.ч. производить толкование позиций судов. Для данной статьи мы используем сравнительно-правовой метод рассмотрения судебных споров и регулирования ИИ в США, Великобритании и России".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Активное применение технологии искусственного интеллекта (ИИ) является неотъемлемой частью повседневной жизни, начиная от анализа текста и поисковых запросов и заканчивая сложными моделями прогнозирования поведения человека. В этой логике необходимо отметить, что вопросы рассмотрения споров, связанных с применением указанной технологии в судебном порядке, приобретает новое значение для любого государства. Следует отметить, что нами ранее был рассмотрен феномен позиционирования ИИ в судебном процессе в России и зарубежных странах как активный инструмент помощи судье в рамках судебного разбирательства[1]. В рамках представленной статьи нами предлагается рассмотреть и сформулировать обобщенную судебную практику, где объектом судебного разбирательства выступает ИИ, его действия и рекомендации, в разрезе различных правовых систем и выработки потенциальных предложений по минимизации рисков при вынесении решений в отношении указанной технологии и ее разработчиков, пользователей и иных лиц". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и предложений автора: "На основании вышеизложенного становится очевидным, что присутствует определенный правовой дисбаланс интересов сторон в силу несовершенства законодательства о коммерческой тайне и авторского права в США. Данный дисбаланс дает компаниям-разработчикам достаточно обширный перечень инструментов для судебной защиты своих интересов, что отмечается как в теоретических исследованиях, так и в судебной практике"; "По нашему мнению, данная категория дел, связанных с применением ИИ, и в судебном процессе порождает необходимость выработки дополнительных инструментов верификации доказательств, предоставляемых сторонами, а также потребность в выработке дополнительных инструментов к привлечению ответственности за использование ИИ в потенциально противоправной деятельности"; "1. Предлагается введение и закрепление дополнительной детализации судебной практики в отношении ИИ, используемого в судебном процессе и статистику дел, где рассматриваются действия ИИ. Данная репрезентативная практика позволит упростить судебный процесс в указанном сегменте и соблюдать единообразие судебной практики. 2. В обязательном порядке при использовании генеративных моделей ИИ обязать стороны верифицировать представленные им данные на предмет их обоснованности, достоверности и законности используемых сведений. В случае выявления использования генеративного ИИ в целях

умышленного введения суда в заблуждение в приоритетном порядке предоставлять указанные сведения в правоохранительные органы для последующего привлечения причастных лиц к соответствующей ответственности" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует практику рассмотрения судебных споров, связанных с применением искусственного интеллекта в ангlosаксонской системе права, и предлагает соответствующие рекомендации по решению возникающих при этом проблем. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В этой логике необходимо отметить, что вопросы рассмотрения споров, связанных с применением указанной технологии в судебном порядке, приобретает новое значение для любого государства" - "Следуя этой логике необходимо отметить, что вопросы рассмотрения споров, связанных с применением указанной технологии в судебном порядке, приобретают новое значение для любого государства" (стилистическая ошибка, ошибка в окончании глагола).

Ученый отмечает: "Особое место занимает герменевтический метод, поскольку позволяет всесторонне рассмотреть судебные споры возникающие с применением ИИ в различных сегментах правоотношений, в т.ч. производить толкование позиций судов" - "Особое место занимает герменевтический метод, поскольку позволяет всесторонне рассмотреть судебные споры, возникающие с применением ИИ в различных сегментах правоотношений, в т.ч. производить толкование позиций судов" (пропущена запятая).

Автор указывает: "Истцы в своем исковом заявлении определяют, что ИИ компании Meta извлекают определенный массив данных из их произведений (книг) в процессе обучения в нарушении авторских прав, косвенного нарушения авторских прав, нарушения Закона об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA)[8], недобросовестной конкуренции, несправедливого обогащения и халатности" - предложение не вычитано.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются множественные опечатки, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 43 источниками (диссертационной работой, научными статьями, аналитическим, эмпирическим и нормативным материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. Асил, А.А. Дулев и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно, положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Предлагается введение и закрепление дополнительной детализации судебной практики в отношении ИИ, используемого в судебном процессе и статистику дел, где рассматриваются действия ИИ. Данная репрезентативная практика позволит упростить судебный процесс в указанном сегменте и соблюдать единообразие судебной практики. 2. В обязательном порядке при использовании генеративных моделей ИИ обязать стороны верифицировать представленные им данные на предмет их обоснованности, достоверности и законности используемых сведений. В случае выявления использования генеративного ИИ в целях

умышленного введения суда в заблуждение в приоритетном порядке предоставлять указанные сведения в правоохранительные органы для последующего привлечения причастных лиц к соответствующей ответственности. 3. Требуется разработка комплексного регулирования технологии ИИ для целей упрощения судебного разбирательства и соблюдения баланса интересов сторон при последующем рассмотрении споров. 4. При последующей разработке законопроектов в особенности в контексте авторского права нельзя допустить нивелирование авторского вклада при последующей обработке и переработки данных сведений технологией ИИ, как это представлено в США"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, гражданского права, информационного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности избранной автором темы исследования (в рамках сделанного замечания) и устранении многочисленных нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Сравнительно-правовое исследование практики рассмотрения судебных споров, связанных с применением искусственного интеллекта в ангlosаксонской системе права и России» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения, связанные с использованием искусственного интеллекта в России и за рубежом (в странах ангlosаксонской правовой системе).

Методология исследования. Основной метод исследования – сравнительно-правовой. В ходе написания статьи использовались и другие современные методы исследования: общенаучные и частные (такие как: статистический, системный, формально-логический и др.). Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. В эпоху тотальной цифровизации, тема статьи представляется весьма актуальной. Можно согласиться с автором, что «активное применение технологии искусственного интеллекта (ИИ) является неотъемлемой частью повседневной жизни, начиная от анализа текста и поисковых запросов и заканчивая сложными моделями прогнозирования поведения человека». Также автор верно отмечает, что «...отечественные ученые активно исследуют феномен позиционирования искусственного интеллекта в рамках судебных разбирательств, как через призму российского законодательства, так и через сравнительно-правовое исследование зарубежного опыта». Доктринальные разработки по данной проблематике имеют значимость для совершенствования современного отечественного законодательства и правоприменения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье сформулированы положения, которые отличаются научной новизной, например: «...при последующей разработке законопроектов в особенности в контексте авторского права нельзя допустить нивелирование авторского

вклада при последующей обработке и переработки данных сведений технологией ИИ, как это представлено в США». В статье представлены и иные заслуживающие внимания с точки зрения практической значимости результаты исследования. Результаты этого исследования можно оценить как определенный вклад в отечественную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии. Тем не менее, автор допускает стилистические ошибки (например, часто использует вводные слова (словосочетания) «следует отметить» и др.). Встречаются в тексте опечатки (например, «в свое анализе судебной» и др.), которые автору можно исправить при внимательном прочтении текста.

Соблюдены требования по объему статьи. Содержание статьи полностью соответствует ее названию. Хотя, на взгляд рецензента, название статьи слишком «громоздкое», предлагается его скорректировать, а также, следует поменять местами «России и в ангlosаксонской системе права». Статья структурирована, отдельные ее части (введение, основная часть и заключение) отвечают установленным требованиям. Материал изложен последовательно и ясно. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, в том числе последних лет. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная полемика. Обращения к оппонентам корректные, оформлены ссылками на источники опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Сравнительно-правовое исследование практики рассмотрения судебных споров, связанных с применением искусственного интеллекта в ангlosаксонской системе права и России» может быть рекомендована к опубликованию. Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Публикация по данной теме могла бы представлять интерес для читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области информационного права, цифрового права, процессуальных отраслей права, компаративистики, а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.